

ОЦЕРКОВЛЕНИЕ ИСТОРИИ

Книга-завещание Владимира Карпеца

В СВОЕЙ ПОСЛЕДНЕЙ КНИГЕ поэт, философ-традиционалист, талантливый переводчик, писатель, режиссёр Владимир Карпец оставил нам своё завещание. Так распорядилось Провидение, что 27 января 2021 года, на годовщину его кончины книга "Царский Род" вышла из печати... (*Владимир Карпец. Царский Род. — Москва, 2021. — 624 с., илл.*).

"Последняя книга Владимира Игоревича Карпеца посвящена его излюбленной теме, которой он занимался на протяжении всей своей жизни, — монархической государственности и, в частности, проблеме Царского рода. На основании малоизвестных у нас источников автор с новой и часто неожиданной точки зрения рассматривает происхождение княжеских родов Руси, выдвигая и обосновывая оригинальную версию о связи их с древними королевскими родами Европы. Автора интересуют глубинные основания и причины исторического процесса, в том числе метаисторические и духовные, и их отражение в исторических анналах, фольклоре и поэзии", — извещает аннотация к книге, составленная вдвоем писателя, г-жой Мариной Карпец (ей же принадлежит и окончательная редакция текста, максимально учитывающая "последнюю волю" автора)...

Книга Владимира Карпеца по обилию затронутых в ней тем, по дерзновенности задач, поставленных им пред собой, и по значимости "священных загадок", кои писатель взялся разрешить, — представляет собой нечто, далеко выходящее из ряда исследований "неизвестных аспектов российской истории, связанных с происхождением Рюрика и взаимоотношениями княжеских и царских родов Руси и Европы".

Пред нами — грандиозная по замыслу (хотя и не во всём совершенная по исполнению) попытка оцерковления истории. Шанс воскресить в условиях современного мира восприятие исторической реальности как иероистории. Именно такое восприятие было свойственно как средневековым русским летописцам, так и западноевропейским хронистам, и давно уже покинуло сообщество учёных мужей, именующих себя "историками".

Между тем, ключи к познанию исторических судеб мира обретаются далеко от тех мест, что облюбовала "позитивистическая" историческая наука. В качестве предупреждения к своему труду В. Карпец приводит слова А. Брюкнера: *"Кто верно объяснит название Руси, найдёт ключ к выяснению её первоначальной истории"*. И сам же развивает сию мысль так: *"Более того, не только первоначальной — истории вообще, её "семенного логаоса", смысла, найдёт ключ к русскому будущему. Ибо, как писал шнок Андроник (А.Ф. Лосев), "...илия является определённым местопребыванием божественных зрений и... поэружение в него и пребывание в нём всякого тварного бытия приводит к просветлению и спасению последнего"*...

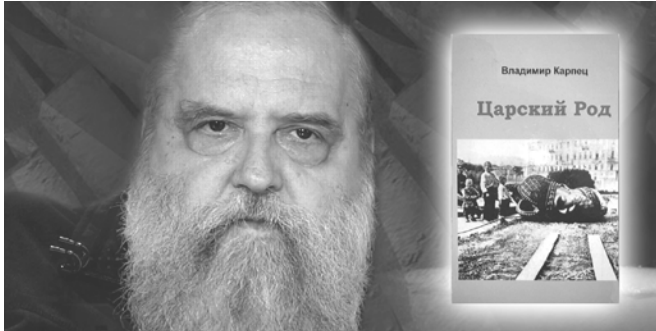
Не дерзнём утверждать, что труд В. Карпеца поспоспешествует "спасению" русского бытия, но некоторому "просветлению" оного он поспешествует, несомненно. Отметим, например, всяческой похвалы достойное стремление почтенного автора "к возведению династического права (и шире — всей соответствующей философии права) на онтологический уровень". Сие намерение много способствует прояснению специфически-православной имперской экзистологии, при коей упраздняется почва к какому-либо противостоянию Священства и Царства, столь характерному для истории Запада и перенесённому-таки на Русь усилиями зловещих персонажей, подобных патриарху Никону с его гипер-еретическим "Священство пребеле Царства есть". Меж тем как по основательному суждению В. Карпеца, "священство" просто несоизмеримо с Царством по своей онтологической значимости, ибо "Царство земное — проявление эзонического Царского предызбрания" в Превечном Совете Пресвятой Троицы".

Невозможно в краткой рецензии перечислить все темы, так или иначе затронутые В. Карпелем. Тут и интереснейший очерк европейского христианского окультизма, стержневых в коем оказывается ожидание Великого Монарха, возстановителя христианской церкви, "при котором все злодеи будут наказаны, а земля очищена огнём", тут и довольно оригинальный анализ соотношения христианства и "язычества", и очерк потаённых смыслов поэзии "чинаря" "обэриуты" Александра Введенского, и набросок политической теории "социал-монархизма" и много чего ещё. Столь высоко оценивая работу В. Карпеца, мы вовсе не считаем её полностью свободной от погрешностей. В частности, нам представляется не вполне оправданным возлагать на Блаженного Августина вину за "теорию прогресса", якобы в зародыше присутствующую в богословии последнего. Вообще, не стоит так уж противоположать "линейное" восприятие истории "циклическому", а тем более уравнивать первое с "католическим" взглядом, а второе — с православным (столь недифферен-

цированный подход выплывает у Карпеца приятием весьма экстравагантных концепций, типа "новой хронологии" Фоменко, лишь бы то было не "линейное время" латинства). Время для православия — не есть только линейное или только циклическое, православие в этом смысле есть религия "третьего пути". Нам видится, что в греческом тексте Символа веры по-своему взаимодополняются и "двуверстное" ("несть конца") и "троперстное" ("не будет конца") понимание Времени. По-гречески седьмой член Символа веры звучит так: *Kai tðlivi êrðhçevou jetð ðoçhç krivai çwýtac kai vekrhoç, ov tñç baolhçac ovk êtoti téloç*. Буквальный перевод *ovk êtoti téloç* — "несть и не будет конца" (специфическая грамматическая форма, аналога которой в современном русском языке нет). Таковым было Время и для блж. Августина. Никак не увязать с теорией прогресса, с попытками измерить Божественный план "человеческими мерками", такие, например, слова сего Учителя Вселенской церкви: *"Ибо как может быть противным природе то, что совершается по воле Божией, когда воля Теорца есть природа всякой сотворённой вещи? Чудо противно не природе, а тому, как известна нам природа"* (*De Civitas Dei*, VI). Природа всякой вещи есть воля (=энергия) Творца, и только лишь погружение в нея и пребывание в ней всякого тварного бытия приводит к его просветлению и спасению. Сие вполне корреспондирует с утверждениями почтеннейшего Владимира Игоревича, что всё, высказанное им в данном труде, "никак не связано с современной политической ситуацией и являет собой исключительно предмет веры и упования". Можно сказать — веры в "Чудо Русской Истории" и упование на сие Чудо.

Сомнительным нам представляется и сообщение о каком-то "римско-иудейском историзале", в который-де, после "Никоновой sprawy" оказалась погружена "вся" Русь-Россия... Не отрицая наличия означенного "историзала", мы скорее согласимся с Д. Философовым, обмолвившемся как-то в переписке с А. Блоком, что "Россия живёт сразу во все исторические эпохи".

Не станем слишком сосредоточиваться на критике, ограничимся признанием того, что высокоценный труд В. Карпеца содержит в себе и иные, помимо указанных, "соблазнительные" моменты. Но сам же В. Карпец и обрисовал надлежащее отношение к подобным моментам со стороны православного читателя-традиционалиста: *"В нынешние предпоследние, а быть может, и последние времена всё больше открывается "от века сокрытое". Как правило, открывается "на соблаз", но иначе и быть не может. Важнейшей частью православной аскезы является умение отделять "помыслы справа" от "помыслов слева", "свое" от "чужого". То же самое относится и к происходящему сегодня "отвержению истории"*... То же самое относится и к книге "Царский Род", читатель коей, ежели приступит к делу с достойным "трезвением", способен будет обрести немалую пользу духовную.



В. Карпец относил себя к последователям староверия в его единоверческом "изводе"... Нам ведомо, что многие, так сказать, "старообрядствующие" активисты" отказывали Карпцу в принадлежности к древлеправославию, отказывались "считать его своим"... Возможно, сии "активисты" в чём-то были и "правы"... Старообрядчество Карпеца, конечно, не как его личный конфессиональный "выбор" (о коем мы судить не вправе), а как его историсофическую концепцию, надобно, "понимать расширительно"... На наш взгляд, примерно так, как написал в 1934 г. гениальный Андрей Платонов в своих "Записных книжках": *"Старообрядчество, это серьёзно, это всемирное принципиальное движение; причём — из него неизвестно, что могло бы выйти, а из прогресса — известно что"*... Ответ о том, "что могло бы выйти", нам отчасти приоткрывает книга Владимира Карпеца...

Роман РАСКОЛЬНИКОВ



Стенд издательства «Наше Завтра» на Международной ярмарке интеллектуальной литературы «Non Fiction-2021» в Москве

СВЕРХНОВЫЙ МИР

Энциклопедия геополитического полицентризма

КНИГА Леонида Савина "Ordo pluriversalis: возрождение многополярного мироустройства" может быть охарактеризована как внушительный по объёму и фундаментальный по содержанию путеводитель энциклопедического формата в мире современных политических теорий. Тринадцать глав книги достаточно автономны для того, чтобы читатели при необходимости обращались к отдельным страницам за справочным материалом, но в то же время они выстроены в стройном логическом порядке, позволяющем не только профану, но и политологу-специалисту шаг за шагом углубиться в серьёзные детали разнообразия современных стратегий осмысления нового расклада сил в мире. Эрудированность, энциклопедичность кругозора автора выражается в его обращении к сотням имён различных теоретиков (подчас даже таких, которые, в сущности, вряд ли заслуживают упоминания), как англоязычных, так и латиноамериканских, немецких, иранских, пакистанских, индийских, китайских, японских и иных. Достаточно солидным представляется обращение Леонида Савина к русским традициям политологии и геополитике в широком диапазоне от Льва Мечникова и Ивана Ильина до евразийцев 20–30-х годов, хотя, на наш взгляд, рассматриваемая книга только выиграла бы от дополнительного рассмотрения концепций русских классических геополитиков начала XX века под углом зрения современных теорий многополярности.

Проследим за ходом мысли Леонида Савина. Начав с обзора теорий однопolarityности и многополярности в США, он переходит к вопросу о том, как различные специалисты понимают сами пресловутые "полюса" силы в мире, каким образом возможны гегемония и баланс сил в ядерную эпоху. Автор склоняется к тому, что у многополярности XXI века нет явных precedентов в прошлом, что системы международных отношений древности и средневековья, не говоря уже о Новом времени, были основаны на ином раскладе сил. Именно сейчас впервые в мировой истории многополярность становится глобальной. Вместе с осознанием этого в последние десять лет намечается (даже на уровне формулировок официальной Стратегии внешней политики РФ) переход от термина "многополярность" к терминам "полицентризм" и "плюриверсальность". Они являются менее жёсткими, поскольку не предвещают вопроса о характере отношений и потенциальном конфликте между будущими полюсами силы.

Глубокие экскурсы в, казалось бы, далёкую от чистой геополитики сферу традиционного права различных цивилизаций (андской, русской, исламской, германской), а также их философии времени и пространства приводят Леонида Савина к постановке общифилософских вопросов об аутентичном бытии разных народов, решаемых через призму парадигмы Мартина Хайдеггера.

Умело ставя теории индигенизма, ориентализма, современных расовых концепций на службу евразийскому дискурсу, автор деконструирует скрытые внутри политологии, экономики и картографии тенденции к западнцентризму и тем самым развенчивает притязания Запада на универсальность своих категорий и ценностей. В год столетия евразийского движения Савин достойно продолжает геософическую линию, ярко заявившую о себе уже в "Европе и человечестве" князя Николая Трубецкого. Фикции "международного права" и западных понятий суверенитета и безопасности рассыпаются под интеллектуальными ударами Леонида Савина, как картонный домик. Конечно, немалую роль в этом играют апелляции к "Номосу Земли" Карла Шмитта, но даже он не вполне устраивает автора, говорящего о русской точке зрения и провозглашающего переход от "Земли Закона" к "Земле Благотати". Именно в этом ключе интересна авторская постановка вопросов о том, какие формы примет (не)государственный суверенитет в XXI столетии, что вообще станет с национальными государствами, их союзами и с границами в недалёком будущем. Какие формы при этом примет экономика — вопрос, как ни странно, менее спорный: Савин ссылается здесь на различные религиозные экономические доктрины, переживающие новый расцвет в современном мире.

Начав с чистой геополитики и погрузившись в сферы философии права, религиозных культур, различных типов власти и государств, автор "Ordo pluriversalis" не может уйти и от вопроса об этносах, нациях и цивилизациях, решающего им в традиционном евразийском ключе, но с учётом малоизвестных в России азиатских и латиноамериканских теорий самобытности. Кругозор Леонида Савина и здесь простирается в широком диапазоне от современных цивилизационных теорий и мир-системного анализа до реанимации этнической психологии. С этого, практического уровня осмысления автор совершает переход на уровень философского осмысления плюриверсального мира (теории неоплюриализма и т. п.), увенчивающийся обращением к Четвёртой политической теории Александра Дугина. Этот соуп де грасс над либеральным западнцентризмом и однопolarityностью язычно завершается в последней главе книги Леонида Савина рассмотрением ряда практических трудностей в происходящем на наших глазах вызревании полицентричного, мультиплежного мира через призму системного подхода. Несомненно, рассмотренный труд сложен и адресован, прежде всего, тем, кто профессионально творит сегодняшнюю политику в России и мире. С выходом "Ordo pluriversalis" российский геополитическая школа лишится раз уверенно заявляет о себе на мировой арене.

Максим МЕДОВАРОВ

НЕЗАДОЛГО до смерти Валентин Курбатов выдвинул на Государственную премию Российской Федерации в области литературы и искусства старейшего поэта и переводчика Сибири Юрия Михайловича Ключникова. Можно считать это завещанием критика. Услышат ли его — покажет самое ближайшее время...

"Опыт в смятении остановился: как можно было сделать так много? И в таком шедром разнообразии жанров, языков, культур?" — напишет он, получив книги переводов Юрия Ключникова. — "Нужно показать подлинно ошеломляющий горизонт сделанного и естественность разговора о Государственной премии. Заранее знаю, что это было бы, может быть, самое достойное наше русское дело посреди общего безумия".

Я не думаю, чтобы ушедший от нас критик, всю свою долгую жизнь в Русском Слове говоривший с Астафьевым, Беловым, Воробьевым, Нагибиным, Распутным, Личутиным и другими великими и выдающимися писателями, руководствовался здесь, в этих словах своих, эмоциями или личномудушием.

Сделанное Ю.М. Ключниковым за почти век жизни не восхитает, даже не изумляет — повергает при одном простом перечислении. А уж при более пристальном знакомстве (не говоря — прочтении) — наводит на мысли о чём-то древнем, титаническом, в наш век непредставимом, о Леонардо, о Ломоносове...

Тем не менее — 35 веков индийской поэзии, 30 веков китайской поэзии, 8 веков французской поэзии, поэзия суфиев, Шекспир... Вот далеко не полный список книг переводов поэта. И это — не говоря о собственной лирике (о которой я уже писал на сайте газете.ру!)

Одна из последних книг поэта — "Слово Ариаварты: 35 веков индийской поэзии в переводах и переложениях Юрия Ключникова". Написана она не кабинетным любителем экзотики, — очарованным странником, неоднократно и подолгу бывавшим в Индии, прошедшим её, где пешком, где на перекладных, из края в край.

Та самая "Индия Духа", которую взагалк перед смертью Гумилёв, куда требовал немедленный билет, в надежде миновать кровавую овощную лавку мировой революции со спелыми кочанами непокорных голов.

ВРАТА В ИНДИЮ

О переводах Юрия Ключникова

И что же? Не обольщаясь религиозной пестротой таинственного Индостана (скожей с обильным брожением протестантских сект в Европе и Северной Америке XIX века), Юрий Ключников и здесь остаётся верен одной из своих доминирующих тем — теме человеческого братства: в трудовой правильной жизни, в любви, в смерти.

Об этом говорит и современник Христа, автор тамильских гимнов Тираваллувар:

*Душе мужской необходимо сердце,
Где можно в непогоду отсидеться.*

И средневековая поэтесса Лал Дэд (1320 — 1392 гг.):

*Ты всё в моей сегодняшней судьбе:
Земля и небо, ночь, и день, и ветер,
Меняющий действительность
на свете.*

Но что взамен могу я дать Тебе?

А молитву Сурдаса (ок. 1478 — ок. 1583 гг.) может смело повторить любой христианин:

*Укажи мне, о Боже, мой путь —
Я на каждом шагу спотыкаюсь.
Молча падаю, вновь поднимаюсь,
Глохо вижу, где правда и суть.
Знаю только, что все мы равны
Пред Тобой в презреших вечных.
Помоги обещанием встречных
Светлых век и прощеньем вины!*

Ключников по-новому открывает хорошо, казалось бы, известного в России классика индийской литературы Рабиндраната Тагора (1861 — 1941 гг.):

*Да, опереться я ещё не в силах
На самых обездоленных и сирых...*

— воспекает на пути духовного созревания бенгальский старец.

Чтобы подтожить:

*Чужда красот моя простая пень.
И глгавую ещё не спел
— Аз есмь!*

А его современник из Пенджаба Мухаммад Икбал (1877 — 1938 гг.) на заре XX века предупреждает:

*О, житель Запада,
планета — не ларёк,
Где можешь всё купить, чего захочешь.
Наш мир, скорей, походит на станок,
В нём ты кинжал
самоубийству точишь.*

К чему это с неизбежностью ведёт, сопереживает-описывает в 1943 году Сухаш Мухопадхай (1919-2003 гг.) в стихотворении "Сталинград":

*Страна стальные обнажает зубы
Навстречу беспощадному врагу.
Не есгит также заводские трубы
На волжском непреклонном берегу.
Работают мальчишки и солдаты,
Сражаясь до конца за каждый дом.
Стреляя — и те в боях распылят.
Гремит над нами непрестанный эром.
Безусые ухают вьсы и в землю —
Без овердюр, золотая молодежь.
Зловещего дождюства не приемлют.
Богатырей подобных ещё найдёшь!
Живые, раздвигая трупов зоры,
Наушлевают путь в горящей меле.
Когда и где ещё подобный город
Существовал на выжженной земле?!
Чем души славных воинов сохреты,
Воюющих в невиданном бою?
Они хранят не только честь свою —
Достоинство спасают всей планеты!
Отныне чужеземные останки
Святую землю будут убождать,
Ржаветь в земле заносчивые танки
И издрагивать любя злая рать.
Всем сердцем уповаем на Россию,
В ней видим исполнение судеб,
Бессмертие Земли, святую силу
И кровью обагрённый вечный хлеб.*

В который раз понимаешь — на берегу Волги решалась судьба не одной только России, но и всего мира. Так это видел Ивлин Во с берегов туманного Альбиона, так это видел и Сухаш Мухопадхай из Бенгалии.

Заканчивая разговор о последнем (по времени издания) труде Юрия Ключникова, хочется верить: сбудется завещание Валентина Курбатова и билет в Индию Духа окажется не последним приглашением к литературному путешествию из тех, что заготовил нам старейший поэт и переводчик Сибири!

Алексей ШОРОХОВ

ВАСИЛИЙ Шульгин — русский общественный и политический деятель Российской империи, депутат трёх Государственных Дум Российской империи, публицист, журналист.

Начало 1917 года он встретил как оппозиционер власти. Василий Шульгин полагал, что с существующим на тот момент правительством, Россия не сможет одержать победу в войне. Эта позиция была основана и на его личных наблюдениях. Он сам побывал на фронте и был ранен. Его оппозиционное отношение к власти оформлялось не сразу и укрепилось в ходе войны. К концу 1916 года оно достигло максимального пика, который только был возможен для человека, ещё недавно называвшего себя монархистом и позиционировавшего себя как русского националиста. Свои взгляды Шульгин выражал как в ходе выступлений в Государственной Думе, так и на страницах своей газеты "Киевлянин". Не случайно, что в начале 1917 года его статьи в "Киевлянин" снимались цензурой. Мало что сейчас знает, что такое "белые квадраты" в газетах того времени. В книге можно увидеть изображение номера газеты "Киевлянин" от 31 января 1917 г. Переводовая статья В.В. Шульгина снята цензурой. Оставлены только первая строчка "Киев, 30-го января 1917 г." и фамилия автора, а всё остальное — пустое место, те самые "белые квадраты". В начале 1917 года Шульгин блокировался с оппонентами самодержавия, был из тек, что призывать "валить власть" и затем лично наблюдал, как происходило отречение от престола Николая II.

В конце 1917 года Шульгин стал активным участником нарождавшегося белого движения, а в 1918 году опубликовал серию статей под заголовком "Монархисты". О том, какие метаморфозы происходили со страной и с Шульгиным в 1917 году рассказывает третья, последняя книга серии его избранных работ (*Шульгин В.В. Россия в 1917 году: избранные работы / Составитель, автор вступительной статьи и комментарии А.В. Репников. М. Посев. 2020. — 848 с., илл.*). В неё вошли знаменитые "Дни" — воспоминания Шульгина о Февральской революции, впервые снабжённые столь подробными комментариями. Второй блок книги составили тексты большинства статей и выступлений Шульгина в 1917 году. Наиболее интересные его тексты, опубликованные в газете "Киевлянин". Это моментальная реакция на события в Петрограде, в Киеве, в России. Револю-



ционные события, действия Временного правительства и его оппонентов, ширящийся развал армии. Особое место в статьях занимают национальные вопросы. Во всех этих статьях Шульгина есть неизменная константа — война до победного конца, критика украинского национализма и укрепление российской государственности. Шульгин не принимает возможность заключения мира с Германией, хотя вполне понимает плачевное состояние русской армии: *"Хаос, создавшийся в государстве, превосходит всякие пределы... На фронте — неизвестные никому личности ведут переговоры о мире неизвестно от кого, а вполне известные дивизии и полки ведут тоже переговоры,*

ДНИ ШУЛЬГИНЫХ

Хроники русского хаоса

каждый от своего имени... Во всей картине отрадно одно: все "комбинации", которые только можно изобрести, мы прорываем разом. Когда весь этот бред пройдёт, Россия, если выживет, получит прищипку от всех "проектовок"... Помимо статей Шульгина в сборнике впервые переизданы и некоторые статьи его жены. Она родилась в семье известного публициста Г.К. Градовского, и её литературная и политическая деятельность была связана с Киевом. Здесь она работала в газете "Киевлянин", где вела рубрику "Впечатления". Печаталась под псевдонимами "Алексей Ежов", "А. Ежов", "Е.А.". Её статьи пронизаны лиризмом и эмоционально насыщены. Например, в статье "У аппарата" она пишет:

"Можно ли оскорбить Святую? И кто может оскорбить Её? Мою святыню могу оскорбить только я сам, тогда, когда окажусь недостойным её. Как бы ни оскорбляли её другие — она только будет сжигать пыль для меня всё более прекрасным сиянием, и каждое новое оскорбление будет новым драгоценным алмазом влетать в её венец. Пусть оскорбители и осквернители дерзнут разрушить мой храм до основания, пусть отдадут пыль его всем ветрам, и эти ветры развеют её по всем странам.

Я благоговейно, тщательно и терпеливо собираю самые мелкие обломки, я отниму у ветров последнюю несущую ими пылинку и опять воздвигну мою святыню.

Но если я, недостойный и небрежный жрец, допущу узурпацию священному фимиаму моей любви, — тогда погаснет мой алтарь, иссякнут благоуханные струи и обветшают прекрасные свободы, готовые похоронить меня под своими развалинами!"

Написала жена Шульгина и статью по поводу демонтажа памятника П.А. Столыпину. Этот памятник был открыт в Киеве 6 сентября 1913 года на Думской площади напротив здания городской Думы. После свержения самодержавия ходили слухи, что памятник Столыпину снимут, а поставят на его месте перед Думой памятник Толстому. 15 марта 1917 года Исполнительный комитет объединённых общественных

ДНИ ШУЛЬГИНЫХ

организаций Киева постановил снести памятник. Статуя была поднята на блоках и цепях — так она и провисела во время "праздника свободы" 16 марта. Снос памятника широко обсуждался в местной прессе. После снос статуя, до того, как она была переплавлена, некоторое время пролежала на заводе "Арсенал". Скульпторы "Витязя" и "Женщины-России", украшавшие пьедестал, тоже находились на "Арсенале", но позднее их было решено передать в Лавровский музейный заповедник, где следы их затерялись. Через два года после разрушения памятника Столыпину на его месте был воздвигнут памятник Карлу Марксу, разрушенный впоследствии денikinцами.

Вот как отреагировала газета "Киевлянин" на снос памятника Столыпину: *"Каждый, в ком есть хотя бы след культурности и хотя бы намерение на порядочность, должен понять, что ночные похихивания и разрушения памятников, кем бы то ни было поставленных, что осквернение мовил — есть нечто глубоко ужасное, тех, кто этим занимается.*

Месть живых, мечь только для мести — унижает победителей. Мечь же мёртвым внушает отвращение". Вышедшая книга Шульгина богато иллюстрирована (только цветных иллюстраций в ней более 350) и содержит сотни фотографий, изображений открыток и сатирических рисунков революционного 1917 года, позволяющих современному читателю в полной мере ощутить это переломное время.

Кристина КАЛЕНДАРЁВА

СМОТРИТЕ
ТЕЛЕКАНАЛ
«ДЕНЬ»

ФЕНОМЕН
РУССКОЙ
ВЛАСТИ

КООПЕРАТИВ ПРАВИЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ
ПРОТИВ КООПЕРАТИВА «ОЗЕРО»

БАКУ ПОБЕДИЛ:
ЧТО
ДАЛЬШЕ?

РОССИЯ -
РОДИНА
КОЛЕСА

ТОП СЕКРЕТ
АНОМАЛЬНЫЕ
ХРОНИКИ
AXI/03/2021

ЧЕЛОВЕК
ГЛАЗАМИ
БЕЗДНЫ

DENTV.RU